

Наш специальный корреспондент
Ирина Еремина передает из Москвы

...«И душа никого не простит»

На крутой стене, сложенной из кроваво-красного кирпича, каждый день появляются новые названия и первоначально нанесенным — самым крупным и известным точкам дислокации ГУЛАГа добавляются неизвестные тюрьмы, лагеря, политические изоляторы «местного значения». Вчера кто-то старческим прыгающим почерком написал «Куйбышевлаг». Очень хочется найти этого человека, ведь он может помнить кого-то из ульяновцев: многих наших земляков, объявленных «врагами народа», «вредителями»,

«германскими шпионами», отправляли именно в Кряж под Куйбышев.

Рядом с картой-«барельефом» тачка, которая и вечеру каждый день доверху наполняется цветами и деньгами. Идет сбор средств на строительство мемориала жертвам сталинских репрессий. В соседних залах, холлах выставлены десятки макетов, рисунков, сотни описаний будущего памятника. Среди их авторов есть профессиональные дождники, скульпторы, архитекторы.

(Окончание на 8-й стр.)

«...И душа никого не простит»

(Окончание. Начало на 2-ой стр.).
И все-таки большинство проектов выполнено людьми, которые смогли воплотить свой замысел лишь в словах: «...к рабочему прижалась девочка, обязательно в красном галстуке — это я прощаюсь со своим отцом, самым честным, светлым и чистым человеком на свете», «Пусть это будет кусок рельса — хронометр нашей лагерной жизни — на фоне размытых временем и пространством фигур наших палачей. Вечным проклятием им будет забвение!», «Храм Христа Спасителя — жертвам сталинизма, восстановленный на народные средства, стал бы символом справедливости». У кого при чтении этих «поисковых записок» не дрогнет сердце, тот не обременен душой, той самой душой, которую репрессированный в 38-ом году Николай Заболотский записал в «от дома к дому», тащить «с этапа на этап».

К нашему счастью, свои души сегодня мы «таскаем» по чужим этапам. И как же горько и тяжело это счастье. И как же мизерны эта горечь и тяжесть по сравнению с тем, что пришлось вынести людям, лица которых светят нам со Стены Памяти. Глаза. Глаза. Детские, старческие, серьезные и смеющиеся, умудренные и незинные — разные, но одинаково прекрасные и своей светлой верой, верой, что была растоптана палачами вместе с жизнью.

Возле старых, будто из другого времени, снимков — копии реабилитационных справок и подлинники письма «оттуда» и еще — записки-просьбы, записки-заклятья, записки-клятвы — бумажные островки, на которых еще не высохли чернила.

«Кто встречался в Бутырях с моей матерью?», «Кто знал моего брата по Холмогорлагу?», «Ищу земляков по Ашхабадгону», «Отец, я не забыл тебя!», «У этого трагедия произошла в Горьком, откликнитесь...».

Люди ищут друг друга, и очень редко, но находят. На встречи, что проходят здесь же, у Стены Памяти, нельзя смотреть без кома в горле. И тоже приклеила несколько записок с именами ульяновцев, о судьбе которых меня просили узнать их родные: сестра, братья, дети, внуки. Пока никто не откликнулся...

Хотя встреча, которую чужла сердцем, все же состоялась. Седой, как лунь, старик в очках с темными стеклами сидел на стуле посреди зала и что-то рассказывал, склонившись к залу лицом. «Варламов», «Джаз». Эти два слова, выхваченные из разговора, сложившиеся воедино поразили догадкой. «Так это же тот самый Варламов, человек, чьей популярности в 30-е годы не завидовали разве что Утесов и Цфасман», музыкант, стоявший у колыбели советского джаза, композитор, написавший музыку к 70 художественным и мультипликационным фильмам, автор фокстрота «На карнавале», под который танцевали не менее четырех поколений, один из создателей оркестра Всесоюзного радио и Госджаза, и... наш земляк, ульяновец.

От близких знакомых Александра Владимировича, от просто почитателей Варламовского таланта я слышала столько историй из его жизни, что порой казалось: одна че-

ловеческая судьба столько вместить не в состоянии. Оказалось, в состоянии. Более того, онаместила и 13 лет, проведенных в сталинских застенках: на Лубянке, в Бутырской тюрьме, Ивдельлаге, в Дзержинске, Караганде. 13 лет, о которых никто из близких и неблизких не рассказывал.

— Иногда я спрашиваю себя, за что судьба так жестоко со мной расправилась? Лучшие годы проведены в застенках. В 43-м, год ареста, мне было 39 лет. Столько замыслов, тем... но тройка НКВД приговорила меня к 18 годам лагеря, а после отбытия срока — к пожизненной ссылке. К аресту я поначалу отнесся даже с юмором, как к нелепейшему из недоразумений. И только на Лубянке понял, как все серьезно. В чем меня обвинили? Я готовил тогда концертную программу для английских и американских моряков, которые эскортировали наши корабли в Северных морях. Мне вменяли то, что я хотел бежать за границу, хотел изменить Родине. И еще будто бы, когда немцы придут в Москву (почему-то следователи были уверены, что обязательно придут), намеревался организовать для фашистов в столице мюзик-холл. Меня допрашивали, кто еще должен войти в творческую группу. Отчаявшись убедить своих следователей в нелепости этих домыслов, я отвечал: и композитором, и руководителем, и режиссером мюзик-холла должен быть я. Еще их очень интересовало, где я собирался разместить свое заведение. В конце концов я взорвался: «на Лубянке».

— Джаз — это импровизация, буйство радостной фантазии, Александр Владимирович, как же они уживались в 30-е годы: джаз и жесточайшая регламентация?

— Да, сейчас это очень трудно понять даже мне, жившему в то время. — Александр Владимирович кладет подбородок на ручку трости и замолкает. Потом словно очнувшись: — Я принес с собой два документа, они из того страшного времени. Вот этот верхний листок, на нем что, молоденькая девочка? Простите, я совсем не вижу. Лишняя, которые пришлось перенести в лагерях и тюрьмах, не прошли бесследно. Все последние пьесы, музыка к фильмам, «Лирическая рапсодия» — все это перенесено на бумагу моей дорогой женой... Да, молоденькая девочка, ее я нарисовал в Ивдельлаге и послал дочке в подарок ко дню рождения. Эта бумага пахнет лагерем. А здесь список продуктов, которые принесла мне моя Ксения Александровна в Бутырку перед отправкой на этап. Как ей удалось собрать все это, ведь по карточкам выдавали самую малость. Прочитайте.

— «...Одна буханка хлеба, один литр молока, шесть котлет, два лука, два чеснока, одно яблоко, 150 граммов масла». Действительно, богатство по тем временам, немалое, тем более для узника. Вот сказала «узник» и поняла, как несовместимо это слово с Вашей музыкой, звучащей в весельях, озорных мультипликациях. А ведь она была написана уже после возвращения «оттуда». Как удалось Вам в лагерном аду сохранить интерес к жизни, к творчеству, умнее радоваться?

Александр Владимирович Варламов. Фото С. Чирикова.

— Я вообще жизнерадостный человек и счастливый, потому что люблю свою жену, мы очень с ней дружны. Именно жизнерадостность и любовь спасли меня, помогли остаться человеком там, где делалось все, чтобы превратить личность в ничто, в труп физический и духовный.

— Александр Владимирович, Вас, вашу семью помнят в Ульяновске. Не так давно в нашей газете была опубликована статья о «фамилии» Варламовых.

— Сколько я не был в родном городе. Последний раз — году в 35-ом. Мы тогда снимали «Парня из тайги», я писал музыку к этой картине и вместе со всей съемочной группой плыл по Волге на зафрахтованном Мосфильмом пароходе. И вот как-то будит меня матрос и говорит: «Капитан велел передать, подошли к родному вашему городу, к Ульяновску». Я вышел и сразу почувствовал родной знакомый запах смолы. Ведь на Симбирской пристани всегда смолдили лодки, добаркадеры. Теперь, наверное, там пахнет по-другому.

— Так бы на этой щемяющей грустной ноте и закончился наш разговор, если бы...

— Александр Владимирович! Я

ведь вас только сейчас узнала. — седовласая женщина обняла Варламова и начала сбивчиво, торпливо объяснять мне и всем невольным свидетелям этой встречи. — Мы вместе в одной агитбригаде были в Ивдельлагере. А другу Александра удалось собрать со всего лагеря лучших музыкантов. У нас бывал Головин, знаменитый баритон, тот что в Большом Театре. Варламовский оркестр был единственной радостью в Ивдельском аду.

А потом звучала музыка. Музыка, рожденная в гордой, несломленной, умеющей страдать и радоваться душе. Зал не дыша слушал «Лирическую рапсодию» А. Варламова — это была ее премьера.

Р. С. Понимаем ли мы сегодня до конца, какую трагедию принес сталинский геноцид стране, миру? Нужно ли вину за свершившееся делить на всех? Подсчитал ли кто потери, которые нанесены духовной сущности нации в 30-е годы? И что дает нам право верить? Трагедия тех лет не повторится? Каждый день Недели Совести ставит новые и очень непростые вопросы, поэтому сегодняшний репортаж лишь начало разговора...